

А.А. АЛЕКСЕЕВ

ЕЩЕ РАЗ О КНИГЕ ЕСФИРЬ

Длительная полемика о книге Есфирь, начавшаяся в конце XIX и с новой силой вспыхнувшая в конце XX в., пришла к завершению не совсем привычному, но исключительно благоприятному — двум обширным изданиям и исследованиям славянского текста. В монографии Г. Г. Ланта и М. Таубе [ЛТ 1998] мы находим хорошо структурированное исследование, в котором предмет последовательно рассмотрен в аспектах перевода, грамматики и лексикологии; перекрестные отсылки и словарь облегчают пользование книгой. Книга Ирины Люсен [2001] построена как комментированное чтение (*explication de texte*), завершающееся обобщениями в сфере грамматики, лексики и текстологии. Книга Ланта и Таубе уже вызвала в печати несколько откликов [MacRobert 2000; Златанова 2001]; работа Люсен, вышедшая позже книги Ланта и Таубе, также содержит реакцию на нее.

Ближайшее знакомство с этими обширными исследованиями убеждает, однако, что вопрос о славянском переводе книги Есфирь все еще нельзя признать решенным. И дело не только в том, что две названные работы не согласны между собой в главном пункте проблемы — о языке оригинала, но в том прежде всего, что метод историко-филологического исследования этого загадочного текста в них еще не найден. Перед нами два опыта, которые не могут претендовать на то, чтобы исчерпать и закрыть хотя бы на время данную тему.

Вопрос о том, с какого языка сделан славянский перевод — еврейского или греческого — может показаться сравнительно маловажным для истории древней славянской письменности. В нем, однако, заключено большое культурно-историческое значение, а от того или иного ответа зависит сама трактовка некоторых лингвистических форм текста. В немалой степени с ним связано и представление о времени и месте появления славянского перевода. Как известно, в XIX в. за еврейский оригинал славянской версии выступали А. Х. Востоков [1842: 25], И. Е. Евсеев [1898]. К Востокову присоединились, приведя некоторые дополнительные наблюдения, свидетельствующие в пользу еврейского оригинала, А. В. Горский и К. И. Невоструев [1855: 53], И. Рождественский [1885]. Позже эту позицию занял и Н. Н. Дурново [1969: 109]. Между тем

А.И. Соболевский [1903: 433-436]¹ пришел к выводу, что оригиналом послужила греческая версия. Позиция Соболевского зависела от общей трактовки культурной ситуации древней Руси: переводы с еврейских оригиналов принадлежали, как было известно тогда, эпохе жидовствующих, т. е. времени никак не старше второй половины XV в. Между тем две обнаруженные рукописи конца XIV в. (Q. I. 2 и Троицк. 2) и признаки языковой древности славянского текста заставили Соболевского включить Есфирь в число переводов домонгольского периода [Соболевский 1910]. Мне уже пришлось отметить [Алексеев 1987: 1], что в лекционном курсе по древнерусской литературе, который он читал в 1892/93, т.е. раньше написания статьи о переводах домонгольского периода (первая версия которой появилась летом 1893 г.), Соболевский принимал взгляд Востокова о еврейском оригинале [Соболевский 1892/93: 25, 33]. Историографические очерки обеих книг не придают внимания этому обстоятельству. Позиция Соболевского разделяется Лантом и Таубе только в отношении языка оригинала, предложенная датировка домонгольской эпохой обходится полным молчанием [LT 1998: 8]. Это тем более странно, что Лант, компетентный знаток орфографии славянских рукописей древнего периода, приходит к выводу, что консервативная орфография древнейшего списка Q. I. 2² отражает нормы до 1200 г. [LT 1998: 141]. Действительно, в этом списке мы обнаруживаем последовательное сохранение редуцированных в слабых позициях, такие орфограммы, как **ѸтринѸмь, въ всѸхъ властѸхъ, въплѸмь великѸмь**, написание редуцированных в сочетании с плавными (**испѸляше, напѸляхѸся, чѸрвѸмь, върѸми**)³. Отношение к вопросу о датировке у Ланта и Таубе определено, вероятно, ни чем иным как предвзятым отрицанием того, что в древней Руси делали какие бы то ни было переводы⁴. Подобным образом поступает и Люсен [2001: 23]: расширяя датировку Соболевского до X-XIII вв., она тем самым представляет его взгляд с существенным

¹ Впервые заметки о книге Есфирь были представлены Соболевским в качестве доклада в 1897 г.; статья Евсева [1898] была ответом на этот доклад.

² Со ссылкой на исследование филиграней, произведенное Д. М. Буланиным, список датируется в книге началом XV в., что должно было бы привлечь еще большее внимание к архаичности его орфографии.

³ Мне уже пришлось касаться этого вопроса в статье [Алексеев 1993], часть которой [с. 48-59] посвящена полемике с М. Альтбауэром, М. Таубе и Г. Г. Лантом о книге Есфирь. Кое-что из этой работы приходится повторять, ибо Лант и Таубе не вступают в открытую дискуссию по затронутым вопросам, предпочитая ограничиваться грубыми выпадами вроде того, что “in 1993, Alekseev muddies the waters even more” [Lunt, Taube 1994: 353, note 24].

⁴ См. [Lunt 1988]. В настоящей книге [LT 1998: 247], однако, позиция Ланта изложена иначе: переводов с греческого на Русь не было до 1250 г., а с еврейского – до 1400. Точность датировок имеет декларативный характер и не связана с какими-либо известными текстами.

искажением, ибо ни о каких восточнославянских переводах X в. Соболевский никогда ничего не говорил. Между тем, и Люсен отмечает, что в сочетании плавных с редуцированными преобладает написание еров, а не гласных полного образования [Люсен 2001: 26]. Уже одно это говорит о том, что перевод создан до падения редуцированных, ибо переписчик, который писал в других случаях в согласии с нормой своего времени **възискаа, проповѣдаа**, не мог от себя внести в список эту архаичную черту. Имя одного из персонажей книги имеет следующие варианты написания: **Мардъхан, Мардохан, Мардахан**. Первая форма преобладает в списке Q. I. 2, отражая еврейское написание со сверхкраткими гласными «шва» или «хатеф-камец» (ykdʰ m; или ykdʰ m = mardʰhai), и не могла быть взята из греческого, поэтому Лант и Таубе [LT 1998: 147] предлагают считать ее вторичной наряду с двумя следующими, принимая за исходную ту форму, которая совпадает с Септуагинтой (Μαρδοχαίος). С этим, конечно, трудно согласиться.

В книге Ланта и Таубе дан перечень 32 источников, по которым известен этот славянский перевод Есфири, 12 из них привлечено к изданию. Анализ отношений между источниками основан на датировках рукописей и самой общей характеристике текста. Все это занимает три небольших абзаца, но завершается стеммой [LT 1998: 14-15], в которой гораздо больше определенности, чем в описании, сопровождающем ее. Датировка архетипа, к которому восходят все списки, осуществляется простым прибавлением двух-трех десятилетий к датировке старейшего списка и нескольких гипотетических протографов, так что получается 1350 г. Эта дата отождествляется со временем изготовления славянского перевода. Таким образом, лингвистические особенности текста не используются для его датировки, тогда как текстологическое исследование ограничивается поверхностным обзором списков. Странно и неубедительно построен текстологический раздел и книги Люсен. Вначале автор ограничивается перечнем 9 списков, систематизированных по хронологическому основанию [Люсен 2001: 24-40], затем в главе, посвященной сразу нескольким вопросам — степени и качеству вариации славянского текста по спискам, отношению различных вариантов к еврейскому оригиналу, принципам передачи имен собственных и прочему [с. 235-306], — делается заключение об отношении списков между собою в форме стеммы [с. 360], а в последующем комментарии [с. 307-314] переданы личные ощущения автора об отношении между списками со слабыми попытками объективировать эти ощущения. Архетип датируется еще более жестко 1380-90 гг., но датировка дана лишь на стемме без какой-либо серьезной аргументации [с. 306]. Исключительно важным текстологическим свидетелем является Тихонравовский хронограф XVI в., сохраняющий какие-то редкие чтения, которые кажутся первичными; в обеих книгах он рассмотрен отдельно от основных источников в специальных экскурсах [LT 1998: 257-263; Люсен 2001: 303-306], т. е. фактически не получает места в текстовой традиции. Именно этот хронографический список содержит повесть о

трех пленениях Иерусалима, заимствованную из «Иосиппона» по его древнерусскому переводу [Творогов 1975: 66, 92-93]. Без понимания истории хронографа не может быть достигнута ясность в отношении славянского перевода Есфири. Такое исполнение столь важной части исследования говорит об отсутствии навыка работы с рукописным материалом, о незнакомстве с методами текстологического анализа. Ни в той, ни в другой работе не найдены внутренние критерии для определения отношения между списками, нет полного объяснения рукописных стемм, нет убедительного доказательства постулируемого отношения между источниками. Нередко исследователи, лишенные опыта работы с рукописями, возводят пренебрежение источниками в принцип и осуждают пристальное внимание к мельчайшим деталям древних источников, называя это фетишизацией рукописей (Handschriftenfetischismus) [Kronsteiner 1993; Thomson 1998: 718]. Вероятно, это вызвано неумением обращаться с ними. Отсутствие текстологического анализа приводит в данном случае к тому, что все главные вопросы текста авторам той и другой книги приходится большей частью решать приемами конъектуральной критики.

Необходимое предварительное требование к исследованию всякого текста – это представление истории его развития, создание некоторого рода текстологической гипотезы для объяснения как архетипического текста, так и его исторических изменений. Действительно, некоторые чтения списков лучше отражают еврейский источник текста, чем другие. Например, на месте формы 8. 9 **хусь** «Эфиопия» список МДА 12 дает форму **кѡшь**, на месте имени 2. 21 **вафесь** список МДА 12, а также Солов. 75, Кирилло-Белоз. 4/9 и 5/10 на поле дают **тересь**. Эти исправленные формы точнее передают еврейскую орфографию, они возникли, вероятно, в результате глоссирования готового перевода при сверке с еврейским источником. Список МДА 12 не использован Лантом и Таубе, так что они прошли мимо этого вопроса. Значительно серьезнее вторжения справщика были в текст, представленный Тихонравовским хронографом. Имя **Ахасъверось** заменено здесь большей частью на **Ахашверошь**, **Аманъ** на **Гаманъ**, редкая лексика также устранена. Одна лишь замена в этом списке **възлюбленикъ** на **злокознивый** (7. 6) при характеристике Амана говорит о том, что текст, заключенный в нем, подвергся компетентной редакции по еврейскому оригиналу. Родственным текстом обладает и Хлебниковская летопись. Читатель вправе ждать от издателя и исследователя ответа на этот крайне важный вопрос, но приведя замены **вобрь** на **сребро**, **чъръ** на **шатеръ** и проч., Лант и Таубе «предоставляют читателю подумать о том, как в Тихонравовском хронографе возникли эти текстовые различия» [LT 1998: 261]. Люсен [2001: 306] полагает даже, что использование этого списка «при каком бы то ни было анализе текста книги Есфирь едва ли допустимо».

В книге Ланта и Таубе славянский текст воспроизводится по списку Q. I. 2 в сопровождении несистематически приводимых разночтений из

10 других списков⁵ Впрочем, орфография основного списка иногда архаизируется в издании в пользу Троицк. 2, в котором редуцированные переданы лучше; типы таких исправлений перечислены на с. 22-23. Зачем это делается, непонятно. В книге Люсен в качестве основного использован тот же список с 8 другими в критическом аппарате, из которых разночтения приводятся последовательно. Иногда встречаются расхождения между изданиями. Например, 2.6 **навходъносоръ** [LT 1998] : **навхо(д)носоръ** [Люсен 2001], 2. 22 **мардохъевн** [LT 1998] : **мардъхъевн** [Люсен 2001]. Лант и Таубе почему-то отказались от передачи выносного «с» в слове **цьсарь**, которое в их издании всегда имеет форму **царь** [LT 1998: 23]. Конечно, это существенно омолаживает внешность текста. По наблюдениям Соболевского [1907: 111], форма **цьсарь** может служить датирующим признаком и свидетельствовать о том, что текст не младше XIII в. В ст. 4. 5 устранено выносное «с» над глаголом, так что в издании появляется далеко не стандартная форма **чемү то є и про что є**. Издание Люсен лишено такого рода недостатков, так как воспроизводит основной текст и варианты без изменений.

Реконструкция у Ланта и Таубе не ограничивается введением опущенных редуцированных. Издатели применяют квадратные скобки, чтобы отделить «лишние» элементы текста, и фигурные скобки, чтобы внести в текст «недостающие» элементы или исправления. Реконструкция носит эклектический характер: эталоном служит еврейский текст, из разных списков нередко вне какой-либо текстологической оценки в издаваемый текст могут вноситься такие элементы, которые соответствуют еврейскому оригиналу (согласно принципам, изложенным на с. 20). Самая яркая черта этой реконструкции заключается в том, что чтения хронографа по списку Тихонравова большей частью вносятся в текст, если имеют поддержку еврейского оригинала. Поскольку по крайней мере часть этих чтений возникла при позднейшей правке соответствующего протографа по оригиналу, нет никаких оснований относить все особенности этого источника на счет архетипа.

Некоторые приемы и результаты такой «реконструкции» не лишены интереса. В 7.9 по списку Q. I.2 и другим есть такое чтение: **право бяше древо еже створилъ вѣ самъ аманъ**. Чтение довольно трудное, но еврейский оригинал хорошо передан в переводе конца XV в. по известному списку Вил⁶: **теж асе то дерево иже вчинил гаман** (*mḥ; hc:[Arva] [ḥAhNhi μG]*). Перевод частицы *gam* (μG) «тоже» наречием **право** встречается также в 7.8 и должен быть признан нормальным, хотя семантически невразумительным; глагольная форма **бяше** соответствует по своему положению указательной частице *hinne* (*hNhi*) «вот»; Люсен [2001: 180] предлагает считать,

⁵ Недостатки критического аппарата издания Ланта-Таубе, заключающиеся прежде всего в выборочном представлении разночтений, подробно описаны Люсен [с. 42-43].

⁶ См. издание [Altbauer 1992]. В дальнейшем чтения этого кодекса начала XVI в. цитируются в тексте с сиглломом Вил.

что частица была прочтена как глагол *hyh*, и у нас не остается другого выхода, как принять эту конъектуру. Ср. 2.5 *мѹжь бяше (hyh) въ сѹсанѣ граде*. В издании Ланта и Таубе это место читается так: *право {wное} древо еже створилъ бѣ [самъ] аманъ*. Как видно, глагол заменен местоимением и устранено второе местоимение, что соответствует еврейскому тексту и взято из хронографа Тихонравова. В 8.8 устранены элементы, которые встречаются во всех без исключения списках, лишь потому, что им нет точных соответствий в оригинале: *иже писано есть именемъ царевъмъ и запечатано печатиу цареву не [может того] вратити [никтоже]*. Приблизительно в таком стиле сделаны все весьма многочисленные эмендации этого издания; в редком стихе их нет. При наличии критического аппарата и обширного комментария такого рода вторжения в текст просто излишни. Большая часть их ненадежна; выполненные методом рационалистической критики текста, ставшей анахронизмом уже в середине XIX в., такие конъектуры возбуждают недоверие к филологической компетенции издателей.

Издание Люсен лишено таких недостатков, но за отсутствием текстологической теории текста оно представляет собою пока еще лишь материалы для изучения. Ощущается нехватка рукописных источников в аппарате обоих изданий⁷

Как уже говорилось, авторы двух книг занимают противоположные позиции по вопросу о языке оригинала, с которого сделан славянский перевод: Лант и Таубе стоят за греческий, Люсен — за еврейский. Из-за отмеченных недостатков текстологической теории и изданий разбор отдельных мест не может быть поддержан текстологической аргументацией, и мы снова оказываемся почти в том же положении, в котором возобновилась дискуссия о языке оригинала в 1980-е гг.

Считается, что оригинал переводного произведения может быть определен по фонетической передаче собственных имен и ошибкам перевода. Специальный раздел, который был бы посвящен всестороннему рассмотрению признаков еврейского или греческого оригинала, в книге Ланта и Таубе отсутствует; материал разнесен по разным рубрикам лингвистического исследования. Такая композиция хорошо отвечает задачам полного описания текста, но растворяет значимые и показательные факты в массе нерелевантных данных, если приходится решать какую-либо специальную задачу, как в данном случае. В результате фактически в книге не

⁷ Настоящая статья не является рецензией, поэтому я не даю всесторонней оценки обеих книг. К достоинствам труда Ланта и Таубе можно отнести лексикологический комментарий; положительной стороной работы Люсен является внимание к передаче еврейской грамматики в славянском переводе. Безусловно, оба издания текста по нескольким спискам представляют собою шаг вперед по сравнению с очень несовершенным предшествующим его изданием [Мещерский 1978], которое было осуществлено по старым запискам Н. А. Мещерского и без непосредственного его участия.

представлена полная аргументация в пользу греческого оригинала; разрозненные наблюдения сделаны в комментариях к тексту и в лингвистических разделах, в разделе о переводе они лишь бегло перечислены; исторические обстоятельства возникновения славянского текста рассмотрены во введении.

Первая категория свидетельств — фонетика собственных имен, — по мнению Ланта и Таубе, «является самым очевидным признаком того, что в основе славянской версии лежит греческий текст» [ЛТ 1998: 76]. В соответствующем разделе [р. 146-152] с известной последовательностью рассмотрены все фонетические особенности передачи собственных имен. Но вот как, например, трактуются орфографические вариации в написании имени Мардохея: «Чередование *a/o* в *Амань/Амонь* и *Мардахай/Мардохай*, засвидетельствованное во всех рукописях — с такими последующими вариантами (*further variants*), как *Мардъхай* в Q. 1.2, — должно трактоваться как собственно славянское явление» [р. 147]. Сказанного совершенно недостаточно. Форма имени с **ъ**, которая, как уже говорилось, точнее других отражает еврейское произношение, во-первых, не могла возникнуть из греческого оригинала, во-вторых, встречается в самой древней рукописи⁸, где безусловно преобладает над другими (в Q. I. 2 встречается 29 раз, тогда как написание с **о** — 11 раз, с **а** 3 раза, что видно из указателя на с. 305, возможно, однако, что часть написаний с **о** мнимые, см. выше). Но чередование *ь/o* для славянских языков всегда имеет хронологическое направление, т. е. *o* появляется на месте *ь*, а не наоборот. Так Лант и Таубе обходят молчанием существо вопроса. Не отмечается также нередкое написание в нескольких списках имени героини в форме **ѣсферьь**, отражающее гласным второго слога еврейское написание.

Со времени Соболевского имена *Ахасъверось* и *Сусань*, вместо ожидаемых *Ахашъверошь* и *Шушань*, рассматриваются как решительное доказательство в пользу греческого оригинала. Это положение принимается Лантом и Таубе без обсуждения. Между тем уже было отмечено, что орфография с «с» отвечает особенностям исторической фонетики еврейского языка и не может служить свидетельством греческого оригинала. Приведены и некоторые орфограммы, в которых славянские слова, записанные еврейским квадратным шрифтом, имеют букву «шин» на месте звука [s] [Алексеев 1987: 6]; ср., например, имя польского короля *Лиско* (1205), записанное на монете как *l r q s i k v l* [Гаркави 1865: 16]. Буквой «шин» передавался звук [s] и других европейских языков [Алексеев 1993: 50]. Исторической фонетикой еврейского языка установлено, что до XIII в. нормой было произношение «шин» как [s], см. [Gumpertz 1953; Kutscher 1982]. В обширной книге двух авторов нет никакой реакции на эти сведения, которым уделяет внимание

⁸ А также в трех рукописях конца XV-XVI в.: Библиотеки Замойского BOZ 105 (Варшава), Солов. 75 и Кирилло-Белоз. 4/9. См. [Люсен 2001: 41]. Согласно Люсен [с. 306], три названные рукописи восходят к другой текстологической группе, чем список Q. 1. 2, так что своей орфографией ему не обязаны.

Люсен [2001: 287-289], приводя дополнительные данные по этому вопросу.

Историческая обстановка, в которой мог быть сделан постулируемый Лантом и Таубе перевод с еврейского на греческий, а с греческого на славянский, также должна быть обсуждена с необходимыми подробностями, но тут позиция авторов крайне неустойчива. Им ясно лишь то, что греческий перевод был сделан иудеем, тогда как славянский кем угодно, но едва ли иудеем, скорее христианином, не ясно, с какой целью, ибо для полемики с жидовствующими книга не была использована, тогда как предполагать, что с греческого переводили евреи, жившие в Восточной Европе, авторы тоже не хотят [LT 1998: 5-7], ибо понятно, что много проще было бы сделать перевод непосредственно с еврейского, чем с какого-то случайного перевода с греческого. Таким образом, славянский перевод мог появиться в любом месте, населенном славянами-христианами, в период между 863 и 1375 гг. [р. 7]. На заключительных страницах книги диапазон выводов не только не сужается, но еще более расширяется: здесь говорится, что перевод сделан на западнорусских землях в XIV в. и прошел при включении в последней четверти XIV в. в кодексы библейских книг редакторскую переработку, заключающуюся, возможно, в намеренной архаизации. Лексикон не свидетельствует о том, что перевод сделан в X в. в Болгарии или в домонгольской Руси [р. 243-244]. Вслед за этим высказывается мысль о возможной связи славянского перевода Есфири с работой над хронографическими компиляциями, осуществлявшимися на Руси в XII в. [р. 246], и о том, что в работе принимали участие такие лица, как еврей, для которого греческий язык был языком богослужения, а славянский оставался в домашнем обиходе, славянин, работавший над историческим сочинением, и переписчик [р. 246-247]. Но можно также думать, что перевод сделал в XIV в. «еврей из западнорусских земель, выходец из Византии» («a Ruthenian Jew of Byzantine, not Ashkenazi, background»), а восточные славяне при переписке тотчас ввели в текст архаизмы, а также «экзотические черты» и ошибки [р. 247]. Возможно, наконец, что славянский перевод возник на Балканах и попал на Русь в XIV в. или что иудейско-греческая версия попала в Новгород или Киев и была переведена тут [р. 248]. Исчерпав все возможные гипотезы, авторы глубокомысленно заключают: «Мы полагаем, что ученый должен признавать, что за отсутствием свидетельств не всякий вопрос может быть решен» [р. 247] и что нерешенным остается вопрос о том, зачем же все-таки была переведена книга Есфирь на славянский [р. 248].

Трудно обсуждать этот набор догадок. Если сами авторы не могут остановиться на какой-нибудь одной, то тщетно ждать этого от непосвященного читателя. Очевидно, что авторы «греческой гипотезы» не могут примирить свои постулаты с известной исторической ситуацией. Если позицию Соболевского легко понять, то в позиции Ланта и Таубе так много противоречий и путаницы, что суть ее остается непостижимой. Ясно одно: между еврейским и славянским текстами был промежуточный греческий.

Лишенный исторической достоверности и филологической надежности (как я постараюсь показать ниже), этот тезис кажется просто капризом.

Авторы упомянули вскользь и о самом неприятном для «греческой гипотезы» обстоятельстве, а именно о том, что тексты евреев, пользовавшихся греческим языком в богослужении (равно как и в быту), написаны еврейским квадратным шрифтом [ЛТ 1998: 6, note 16], тем самым хотя бы завуалированно реагируя на высказанные ранее мною возражения [Алексеев 1993: 50]. Действительно, евреи в странах рассеяния пользовались в быту языками народов, среди которых жили, равным образом и в синагогальном употреблении обращаясь к библейским переводам на местные языки, на что впервые указал Гаркави [1865]. Следы этого отмечены в истории латинских библейских текстов в Европе [Вагон 1958: 273 ff.], но особенно ясно прослеживаются как раз в истории восточнославянского Пятикнижия, разделенного на субботние отделы (парашиот) и снабженного глоссами по еврейскому тексту [Алексеев 1999: 182-184]. В тех случаях, когда евреи делали свои переводы самостоятельно, они записывали их не местным алфавитом, а квадратным шрифтом, во всяком случае на Балканах эта практика не знает исключения. Постулируемый Лантом и Таубе греческий текст исторически не засвидетельствован и не совпадает с переводом Есфири на греческий язык, известным под названием Септуагинты (с ее редакционными разновидностями)⁹ И без того сложный вопрос о истории греческой версии Есфири приобретает вследствие гипотезы Ланта и Таубе еще большую сложность, тогда как свидетельству славянской версии не хватает надежности, чтобы основать на ней столь смелое предположение¹⁰ Этот не засвидетельствованный иудейский перевод на греческий язык, не отразившийся в собственно греческой традиции текста, должен был быть написан еврейским шрифтом, как и прочие еврейские переводы, не вступавшие во взаимодействие с христианскими греческими версиями. Но греческий текст, записанный еврейским письмом, никоим образом не мог стать источником «грецизирующего» прочтения звука [s] на месте «шин», т.е. слав. *Ахасъверось* и *Сусанъ* не могут быть объяснены греческой основой, ибо имена собственные в таком переводе по своей орфографии полностью совпадали с той орфографией, какой они обладают в оригинальном еврейском тексте. Авторам приходится еще более усложнять свою

⁹ Наряду с основной версией Септуагинты существует «Лукиановская редакция», которая сохранилась не в полном объеме текста; она основана на Септуагинте, отличаясь от нее редакционной правкой, направленной на сближение греческого текста с еврейским. И та, и другая разновидности дополнены шестью обширными пассажами, в которых раскрывается содержание писем и молитв, упоминаемых в книге. Эти добавки происходят из иудейских толкований (мидрашей), они не вошли в еврейский масоретский текст, хотя известны еврейской письменности. В частности, некоторые из них включены в пересказ Есфири, помещенный в «Древностях иудейских» Иосифа Флавия.

¹⁰ Единственная известная мне реакция специалиста по греческим версиям на гипотезу Ланта и Таубе имеет отрицательный характер. См. [De Troyer 2000: 407].

гипотезу, допуская, что к славянам попал текст, транслитерированный с еврейского письма на греческое [LT 1998: 6, note 16].

Итак, орфографическая передача собственных имен в Есфири не содержит надежных признаков непосредственного греческого оригинала. Остаются ошибки перевода. В этой части книги Ланта и Таубе аргументация в пользу греческого оригинала строится на презумпции, что все ошибки наличного славянского текста, обязанные своим появлением неправильной интерпретации еврейского оригинала, совершены были тем переводчиком, который переводил с еврейского на греческий. Поэтому сколько бы ни находилось в славянской версии таких и подобных следов еврейского текста, они ни о чем не говорят; доказательной силой обладают только грецизмы, ибо они попали в славянский из непосредственного греческого текста. При такой постановке вопроса выводы предопределены заранее, ибо может быть доказан лишь греческий оригинал и никакой иной.

Список грецизмов насчитывает 19 единиц [LT 1998: 76-79], среди них десять случаев оцениваются самими авторами как вероятные (ненадежные), поскольку соответствующие явления могут рассматриваться как заимствованные из греческого, но освоенные славянским литературным стилем. Речь идет о следующих чтениях:

(1) 6.11 **сътвори поаздити емѹ** соответствует греческому каузативному обороту ποιεῖν + inf., в евр. буквально «и вывез его на коне» с глаголом *bkr*; «скакать» в породе *hifil*, имеющей каузативное значение¹¹

(2) 1.18 выражение **въ дньшнии днь** напоминает греч. ἄν τῷ σήμερον ἡμέρῃ;

(3) 4.7 и 6. 13 **вса съключышаа са емоѹ** может передавать греч. πάντα τὰ συμβεβηκῶτα, поскольку соответствующее местоимение еврейского текста имеет ед. число; надо, впрочем, иметь в виду, что в 4.7 греческий текст Септуагинты также имеет ед. число;

(4) 1.3 **и иже ихъ о немъ** напоминает греч. τοῖς или τῶν περὶ ἄτῶν, тогда как в евр. *uḥp̄l* i «перед лицом»;

(5) 7.9 **единъ тѣхъ тивунъ** соответствует греческому беспредложному обороту εἷς τῶν εἰνοχῶν, в еврейском употреблен предлог *mi*, что должно было бы дать «один из тивунов»;

(6) 1.5 **всѣмъ людѣмъ еликоже ихъ обрѣте**, 9.27 **на вся елико ихъ пристѹпаше къ нимъ** — обороты с **елико** напоминают греч. обороты с союзом *ὅσοι*;

(7) 4.11 **кромѣ емѹже простретъ прѹтъ**: здесь после предлога опущено ожидаемое местоим. **того**, так что выражение соответствует Септуагинте *πλὴν ἡ ἡκτεῖν*, в евр. буквально «лишь которому протянет кому скипетр»;

(8) 2.13 **еже аще** может соответствовать греч. *ἢ ἄν*, 9.1 **идеже аще** соответствует греч. *ἢ πού ἄν*;

¹¹ Ничего специфически греческого в этом каузативном обороте, конечно, нет. Этим путем авторы просто дезавуируют тезис Н. А. Мещерского о том, что данное выражение свидетельствует о еврейском оригинале. См. [Мещерский 1956: 210].

(9) 1.16 и 5.12 **аще не** может соответствовать греч. $\epsilon\acute{\iota} \mu\Box$;

(10) 5.12 **не приведе ли ма**, 5.13 **не вредно ли**: лишнее **ли**, для которого нет соответствия в еврейском, может отражать греч. оборот $o\Box \mu\Box$.

Некоторое количество такого же рода материала рассеяно в комментариях, но авторы не выносят его на рассмотрение в раздел, посвященный переводу. Во всех перечисленных случаях славянский перевод отличается от известного еврейского текста и напоминает нормальные формы греческого синтаксиса, в некоторых случаях совпадая с реальным переводом Септуагинты. Конечно, это не слишком убедительный материал. Действительные расхождения между славянским и еврейским текстом гораздо больше и существеннее, чем только что перечисленные. Без учета всех различий между текстами незначительные расхождения такого рода не могут быть правильно объяснены. Различий, которые не могут быть объяснены греческим промежуточным текстом, во много раз больше, и о них еще придется говорить.

Еврейский текст действительно не знает существенных вариантов, так что его можно считать стабильным. Но в представлении Ланта и Таубе два переводчика, по очереди работавшие над переводом, использовали разную стратегию: переводчик, который переводил с еврейского на греческий, позволял себе довольно широко трактовать оригинал и не воспроизводить его мелкие грамматические особенности, тогда как второй переводчик, переводивший с греческого на славянский, ничего подобного себе не позволял и воспроизводил свой греческий оригинал с необыкновенной грамматической тщательностью. Если иметь в виду, что первый переводчик, согласно Ланту и Таубе, был еврей и делал свой перевод в религиозных целях, а второй был неизвестно кто и переводил неизвестно зачем, то различие в их отношении к делу станет особенно загадочным.

Приведенные примеры не могут сами по себе свидетельствовать о том, каким оригиналом пользовался славянский переводчик. Лингвистическая природа этого материала такова, что он может рассматриваться как черта языковой или стилистической нормы славянского языка. Это, как уже говорилось, признают и сами авторы. Многие из этих отступлений от известного сегодня еврейского текста могут быть тем или иным способом объяснены, что и делает вполне убедительно Люсен в своем комментарии (случаи 1, 7, 9, 10). Со своей стороны могу добавить, что выражение **дньшьнии днь** засвидетельствовано не только переводами с греческого, но и оригинальной славянской литературой (Повесть временных лет, введение, Хождение игумена Даниила) (цитируется по [Срезневский. Материалы 1]); для пятого случая, где предполагается пропуск предлога, убедительную параллель дает «Житие Моисея», переведенное на Руси как раз с еврейского оригинала¹². Ср. *уподобися къ единому велможь, не будетъ васъ погибнути ни единому* (цитируется по [Рождественская 1999: 124, 140]).

¹² Что признает один из авторов. См. [Таубе 1993].

Другим девяти случаям Лант и Таубе придают гораздо большее и даже решающее значение.

(11) 5.3 **БҮДЕТЬ ТИ** (*дажь и до полуцрства моего*) должно соответствовать греч. Ποταλ σοι, в Масоретском тексте ל: תִּבְּרָךְ «и будет дано тебе». Поскольку и с наличием причастия, и без него фраза сохраняет тождественный смысл, аргумент убедительным не представляется, что допускают в другом месте и сами авторы [LT 1998: 112].

(12) 3.13, 4.8, 7.4 и 8.11 **растворити** в значении ‘уничтожить’ является западнорусской семантической особенностью перевода, что убедительно демонстрируют авторы [р. 231-232]. Тем не менее предполагается, что эта семантика может в какой-то мере зависеть от смешения двух греч. глаголов ἀπᾶλλουσι «уничтожить» и ἀλοῦσθαι «растворить» [р. 76, 230-231]. Кажется, что примирить эти утверждения невозможно.

(13) Выражение стихов 4.13, 6.6 **въ мысли своен** может, по мысли Ланта и Таубе, отражать лишь греч. διάνοια, но не еврейский текст, где употреблены слова «душа» и «сердце». Между тем, как видно из словоуказателя [LT 1998: 281-303], в славянском тексте Есфири один раз употреблено слово **сърдце**, дважды — **доуша** при 11 употреблениях слова **мысль** с широким диапазоном значений. Это славянское слово действительно имеет гораздо более широкое значение и применение, чем его возможные синонимы, и именно оно употреблялось и в оригинальных славянских текстах в такого рода фразеологии. Поэтому в 1.10 евр. «хорошо стало на сердце у царя» переведено **вънегда съ оудобраше мысль царева**. Ср. также 7.3 **аще цареви оудобрю и створиши мысль мою въ просьбѣ мои**, где наблюдается весьма существенное расхождение с еврейским текстом, в котором говорится о сохранении жизни. Здесь уже Лант и Таубе [р. 212] предлагают видеть отражение греч. ὄξινωσα, видимо в значении ‘намерение’. Но такого рода осмысление евр. נפש «душа» мог сделать не только переводчик на греческий, но и переводчик на славянский, следовательно, наличие промежуточного перевода не является необходимым для такой интерпретации. В 6. 6 вопреки и еврейскому, и греческому оригиналам употреблена *figura etymologica*, которая поддерживает соответствующее словоупотребление: **помысли аманъ въ мысли своен**; славянскому глаголу соответствуют евр. אמר и греч. εἶπε, оба со значением ‘сказать’. Аналогично в 7. 5 **помыслы помысли** «наполнил сердце свое (чтобы сделать так)».

(14) В 2. 15 **достүпи жребни есфиринъ** (идти к царю) слово **жребни** соответствует евр. גַּחֲלֹן «черед, очередь». Лант и Таубе находят, что такой перевод нуждается в объяснении. Они полагают, что автор славянской версии перепутал греч. καιρὸς «пора, время», которое могло бы стоять в этом стихе как соответствие еврейскому слову, с κληρὸς «жребий». В ст. 2. 12 это же самое слово в этом же значении переведено **знамение**, что гораздо менее удачно, как справедливо думают и авторы [LT 1998: 95], не предлагая, однако, никакого объяснения. Я нахожу, что в 2. 15 дан вполне удовлетворительный перевод. В Вил. в обоих стихах стоит слово **часъ**, что и

подсказало авторам ненужную конъектуру.

(15) Чтение 1.3 **створи пирѣ велможамъ своимъ, и рабомъ своимъ, силѣ фарисѣистѣи и мадѣистѣи, странам и боляромъ земнымъ** уже обсуждалось не раз. Именно с исправления этого места началось дело по доказательству греческого оригинала для славянской версии книги Есфирь [Altbauer, Taube 1984]. Вместо **странамъ** в тексте ожидается обозначение какого-то рода сановников соответственно евр. $\mu\upsilon\mu\tau\tau\tau$ Ph', ср. **столечником и болярмъ земским** Вил. Таубе высказал догадку, что **странамъ** возникло на почве первоначального **сатрапомъ**; действительно, такого рода замена позже была обнаружена Ф. Томсоном в Слове Кирилла Александрийского¹³. Мои возражения [Алексеев 1993: 51], на которые в книге Ланта и Таубе [р. 259-260] я не нашел удовлетворительного ответа, сводятся к тому, что данное еврейское слово не обозначает сатрапов, т. е. правителей областей Персидской империи, которые обозначены в этом стихе именно словосочетанием **боляре земные**; в ст. 6. 9 оно же переведено **судии**. В Септуагинте евр. $\mu\tau\tau$ P' (ед. число) имеет соответствия $\beta\upsilon\delta\omicron\varsigma$, $\beta\lambda\epsilon\kappa\tau\omicron\varsigma$. Поэтому предлагаемая конъектура не может быть признана доказанной (к ней мы вернемся ниже).

(16) 1.20 Советники убеждают царя Ахашвероша прогнать строптивую царицу Вашти и опубликовать об этом сведения по всему царству, тогда все жены будут воздавать честь мужьям своим: **и вса жены възложатъ срамотоу на мужь свои** (вариант: **мужа свои**). В евр. употреблено слово $\gamma\upsilon$ «драгоценность», которое в данном месте значит 'честь'. Странность перевода, по мысли Ланта и Таубе, может быть объяснена промежуточным греческим текстом, где было употреблено слово $\beta\upsilon\tau\rho\lambda$, соединяющее в себе значения 'внимание' и 'стыд'. Действительно, дважды употребленное в Новом Завете $\beta\upsilon\tau\rho\lambda$ переведено на слав. **срамъ** (1 Кор 6. 5, 15. 34). Оно, однако, не могло стоять в гипотетическом греческом тексте на месте евр. $\gamma\upsilon$, ибо последнее означает что-либо материально ценное, дорогое¹⁴, а 'честь' означает лишь в Пс 48. 13, 21 (*человек в чести не пребудет*) и Эсфири (1.4, 6, 20, 6.6, 7, 9, 11, 8.16). Греч. $\beta\upsilon\tau\rho\lambda$ передает в Септуагинте только евр. חמל K' «упрек, оскорбление», тогда как евр. $\gamma\upsilon$ передается словами $\delta\epsilon\kappa\iota\omicron\varsigma$, $\delta\epsilon\chi\alpha$, $\beta\upsilon\tau\iota\omicron\varsigma$, $\tau\iota\mu\epsilon$. Все это делает крайне маловероятной конъектуру, предложенную первоначально А. Куликом [1995] и принятую Лантом и Таубе. Кулик, высказывая свою догадку, возможно, не знал, какие еще варианты встречаются в славянских списках,

¹³ См. [Истрин 1893: 356]. В данном месте Слова пересказывается Дан 6. 2-3 **начальники сатрапамъ учини ихъ** (так в ркп. МДА 90), с заменой на **странамъ** в Рум. 3127. Эта замена произведена в списке XVI в., что объяснимо полууставным письмом, тогда как в Есфири предполагаемая замена такого рода должна была быть осуществлена уже в XIV в., т. е. в эпоху уставного письма. В Слове трудное чтение благодаря этой замене становится более простым, тогда как в Есфири чтение становится труднее, поскольку **странамъ** оказывается контекстуальным синонимом к **болярмъ**. Так что аналогия, найденная Томсоном, не кажется убедительной.

¹⁴ Ср. Иер 20.5 *И предам все богатство этого города ... и все драгоценности его ... в руки врагов их; Притч 20.15 Есть много золота и и жемчуга, но ценная вещь — уста разумного; Зах 11.13 высокая цена, в какую оценили Меня.*

но это знают Лант и Таубе. В разночтениях к 1. 20 они привели форму **дроготоу** из хронографа Тихонравова, а также форму **драготоу** из списков Кирилло-Белоз. 4/9, сборника библейских книг библиотеки Замойского (BOZ 105) в Варшаве и Библиотеки Лит. АН 52/224. Слово **драгота** представляет собою идеальный перевод для евр. **רָגַע**, однако Лант и Таубе сочли его глоссой, введенной позже переписчиками [р. 225]. Напротив, Люсен [2001: 73, 337] признает эту форму первичной. На стемме рукописей [ЛТ 1998: 15] Варшавский и Вильнюсский списки не относятся к той же ветви, что хронограф Тихонравова (Кириллобелозерский там отсутствует), на стемме Люсен [с. 306] Кириллобелозерский и Варшавский списки находятся в одной группе (с ними вместе и Соловецкий 75, в котором также читается **драготоу**), тогда как другие интересующие нас в этом случае списки отсутствуют. Появление формы **срамотоу** в нескольких списках не трудно объяснить гармонизацией, поскольку несколькими строками выше в ст. 1.18 читается: **рекоша боларе ... аже оуслышаша гль црцинъ всѣм боларомъ црвѣмъ а довлѣет срамоты и гнѣва**. Таким образом, до полного разрешения текстологической проблемы текста выдвигать такую конъектуру нельзя. Между прочим, А. А. Архипов [1995: 253] полагает, что эта ошибка возможна и без греческого посредства: славянский переводчик мог прочесть в еврейском оригинале какую-то форму от глагола «вешать», которая в переносном смысле может иметь значение «клеймить позором».

(17) 3.9 **и аще царви бы оубо доволно бы было абы написал погоубити ѿ** (= если царю угодно, пусть будет предписано истребить их [евреев]). В евр. буквально «не хорошо ли царю» (b/f **לִי מְחַיֵּא** [חַיֵּא]). Обычно такой оборот переводится с **добро** или **любо**. По мнению Ланта и Таубе [р. 77], славянская версия отражает смешение двух греческих глагольных форм **ἄρξομαι** «доставит удовольствие» и **ἄρξομαι** «явится достаточным». Вероятно, авторы не чувствуют смысловой связи двух славянских слов **довольно** и **удовольствие** и того, что у них общая плохо разделяемая семантика, включающая в себя идеи удовольствия, потребности, желательности и достаточности. Перевод уникален для этого текста, но достаточно осмыслен. Ср. употребления, отражающие семантику потребности, желания прежде всего в самом тексте, которые делают излишними всякие гипотезы о греческом оригинале: **7.2 и что вола твоа, .. створим ти волю твою**, а также и в других восточнославянских текстах: **о доволин плоти моеа, создавыи ма, сам вѣси, что тревою** (Послание Ивана Грозного в Кириллобелоз. м-рь)¹⁵; **церкви освящати по доволу всяких божественнѣх и священнѣх правил** (Акты юридич. быта 2, 525, XV в.); **а българи моурзѣ велѣл молвити госоударь, что имъ оборон учинит от шевкал, как его царской доволъ боудет** (Львовск. летопись 2, 607); **что пожалуешъ по доволу своему, так и учинишъ**

¹⁵ Цитируется по [Срезневский. Материалы 3: 90].

(Переписка дьяка Третьяка Васильева 8, 1650)¹⁶ Наконец, в самой Есфири 10.3 употреблено слово **вольникъ** «фаворит», где тот же самый корень выступает с тем же значением, что и в 3.9. Кажется, что авторы не всегда проявляют достаточное владение славянским языком. Например, в 2.14 **заоутра вѣ врачюущи сѧ къ домоу** они вносят исправление **възвращающи сѧ**, сочтя, что причастие **врачюущи сѧ** образовано от глагола **врачевати** [р. 94]. Здесь достаточно исправить одну букву, чтобы получить требуемый смысл: **врачающисѧ**, ибо перед нами прич. от **вращати сѧ** в русской огласовке; ср.: **сами врачуют через далекоую дорогоу** (Повесть о трех королях XV в.)¹⁷ и в тексте Есфири 4. 13 **рече мардѣхан вратѧ сѧ къ есфирни**. Написание в 2.14 возникло в результате простого ляпсуса.

(18) 5.10 **и въздохнувъ аманъ приде къ домоу своемуу**. Соответствующий евр. глагол **qra** может быть переведен «сдержаться, собраться с силами», ср. в Вил. **вналъсѧ**. Лант и Таубе считают перевод ошибочным и снова объясняют его смешением значений двух греческих глаголов: **φεῖδομαι** «воздерживаться» и **φισάω** «вздыхать». Трудно сказать, какой перевод мог бы показаться нашим авторам настолько удовлетворительным, чтобы не прибегать к конъектуре. Мы не обязаны думать, что слово **въздѣхнути** в употреблении переводчика Есфири семантически совпадает с употреблением церковных книг (греч. **στενάζω**) или современным русским употреблением; словообразовательно близкий вариант **отдѣхнути** дает нужное значение.

(19) В стихе 2.3 **да вы приставилъ приставники** переводчик, полагают Лант и Таубе, «воспроизводит греческий слог», поскольку все выражение напоминает Исх 1.11 **постави приставники** (**ἰσθῆσεν ἰσθῆσας**). Понятно, что для такой стилизации, даже если она имела место, не нужен греческий оригинал, достаточно иметь образец для подражания на том языке, на который делается перевод. К тому же еврейский текст также использует здесь *figura etymologica* (**wqrq rqudum**), и было бы очень странно усматривать проявление греческого оригинала в приставке, употребление которой обусловлено грамматической системой языка.

Я перечислил *все доказательства*, которые используют Лант и Таубе для обоснования своего тезиса о том, что славянская версия книги Есфирь переведена с греческого оригинала. Ни одному из них нельзя доверять. Все конъектуры, кроме 15-ой, излишни, потому что текст читается удовлетворительно и без них; но 15-я конъектура всего лишь предложена, но не обоснована, такого рода догадок о тексте можно высказать сколько угодно. Не случайно одна из предложенных ранее конъектур была снята в настоящей публикации. Напомню, что выражению 4. 3 «(служили постелью) для многих» в славянском переводе соответствует **постилахоу**

¹⁶ Цитируется по [Словарь XI-XVII вв.: 277-279].

¹⁷ Цитируется по [Слоўнік 1984: 253]. Люсен [с. 92] догадывается, что форма связана с глаголом **вратитися**, но характеризует ее как диалектную.

старѣшинам. По мнению Н.А. Мещерского [1956: 210-211], еврейское сочетание предлога с прилагательным $\mu\upsilon\beta\iota\tau\acute{\iota}$; «для многих» было понято как сочетание предлога с существительным «старейшина, вельможа»; Альтбауэр и Таубе [Altbauer, Taube 1984: 308] истолковали его как результат смешения греч. $\mu\alpha\lambda\lambda\omicron\iota\varsigma$ «многим» и $\mu\alpha\lambda\iota\omicron\iota\varsigma$ «старикам»; я возразил, что у слова **старѣшина** всегда социальная семантика, а не возрастная [Алексеев 1987: 5]. Едва ли моя аргументация убедила бы Ланта и Таубе, но они обнаружили, что толкование, предложенное Н. А. Мещерским, соответствует средневековой еврейской экзегезе [LT 1998: 107]. Думаю, что тщательное изучение предполагаемых следов греческого оригинала всегда может дать положительный результат и повести к отказу от надуманных концепций. Расхождений между еврейской и славянской версией гораздо больше, они легко обнаруживаются в каждом стихе, но в поле зрения Ланта и Таубе попали только те, которые им удалось возвести к какой-нибудь греческой форме, реально сохранившейся в списках Септуагинты или предполагаемой. Такой способ обращения с материалом называют *magnetische Quellenforschung*: как магнит, поднесенный к груде мусора, вытягивает из нее только железо, так исследователь берет из источника только то, что отвечает его замыслу. При известной системности анализа в разделах фонетики и лексики разрыв с позитивной научной методикой в установлении оригинала может быть понят лишь как уступка непреодолимому желанию доказать то, что доказать невозможно¹⁸. Жанр филологической конъектуры требует, чтобы взвешены были все аргументы за и против нее, но здесь читателю предлагают восполнить самостоятельно все упущения филолога. В филологии трудно находить доказательства, но еще труднее проводить проверку чужих доказательств, предполагается, что автор сам добросовестно осуществляет контроль. Неопределенность выводов о времени и месте происхождения нашего памятника сочетается у Ланта и Таубе с бескомпромиссной уверенностью в определении языка оригинала¹⁹.

¹⁸ Приведу длинную выписку из работы Люсен, с которой полностью согласен: «Главной слабостью метода, использованного при анализе перевода и полностью определившего анализ и следующие из него выводы, является тот факт, что за исходный пункт исследования безоговорочно принимается положение, что этот перевод был сделан с греческого оригинала... Доказательство не может основываться и исходить из положения, которое в действительности требуется доказать (*circulus demonstrando*). Естественным результатом такого метода может быть только заключение, что перевод действительно сделан с греческого оригинала, ... поскольку прийти к другим выводам представляется просто невозможно» [Люсен 2001: 369-370]. Далее [с. 370-372] приводятся примеры из книги Ланта и Таубе тенденциозных и бессистемных поисков греческого оригинала.

¹⁹ Провокация и вызов в науке, выдвигая неожиданную альтернативу устоявшейся точке зрения и порождая условия для ее переоценки, могут иметь положительные последствия, если вызывают исследование тех положений, которые прежде не подвергались сомнению. Но неаккуратный филологический анализ провоцирует последствия иного рода. Только что вышло исследование, порожденное работой Ланта и Таубе: [Велчева, Костов 2002]. Здесь совершенно игнорируется та часть лексики славянской версии, которая придает столь исключительный облик тексту, и в ходе анализа общеславянской лексики делается вывод о том, что перевод сделан в Тырнове в середине XIV в. Как будто мы не знаем ни одного произведения, созданного в Болгарии в эпоху царя Ивана-Александра! Для них характерна предельная нормализованность языка, тщательное устранение из него всех локальных черт; они бережно переписывались и у восточных славян, очевидно ценивших их языковую уравновешенность, и никогда не подвергались такой чудовишной варваризации, о какой в данном случае пришлось бы говорить.

Более систематический анализ расхождений еврейского, греческого текста Септуагинты и славянского перевода предпринял А.А. Архипов [1995: 241-263]. Тщательное филологическое исследование славянского перевода, выполненное им, показывает, что своеобразие славянского текста может быть целиком объяснено той свободной манерой, в которой работал переводчик²⁰. Именно эта черта, т. е. манера перевода, в свое время заставила М. Альтбауэра [Altbauer 1968; 1992: 38-79] посчитать славянскую версию переводом с греческого. Он исходил из представления, что к нормативным еврейским переводам относятся тексты, представленные в Виленском сборнике, которые с полной последовательностью и точностью передают существенные особенности еврейского оригинала²¹. Если, однако, признавать существование какого бы то ни было «еврейского» перевода, то это может быть лишь перевод, представленный в таргумах. Таргумы (евр. «перевод») используются при общественном чтении св. Писания со времени возвращения евреев из Вавилонского плена (см. Неемия 8. 8), в течение которого евреи оставили бытовое употребление еврейского языка и перешли на арамейский. Согласно сложившемуся ритуалу, вслед за прочтением нескольких стихов Библии в оригинале оглашается их перевод на какой-либо общепонятный язык: вначале это был арамейский, затем все другие языки, которыми евреи пользовались в рассеянии. Перевод вспомогательного текста не связан какими-либо принципами, но может быть предельно буквален в одном стихе и совершенно свободен в другом, потому что он не является Писанием, но всего лишь объяснением его. В этом отношении славянская Есфирь в высшей степени напоминает по своему переводу типичный таргум, который то буквален, то свободен, тогда как перевод библейских книг в Виленском кодексе семантически точен и стоит ближе к обычной практике библейских переводов в Европе.

²⁰ К сожалению, А. А. Архипов использовал лишь список Q. I. 2, так что его представление о славянском тексте не всегда верно. Это значит, что «медленное чтение», на которое уповаet автор [Архипов 1995: 263], не может дать точного ответа, когда речь идет о тексте, известном по рукописям.

²¹ Аналогично [Taube 1985: 206]. Критику концепции «еврейского перевода» см. в [Thomson 1994: 148] и [Алексеев 1998]. В [LT 1998] следов этой концепции уже не обнаруживается.

Одной из черт объяснительного перевода являются глоссы с соотнесением еврейских и греческих названий месяцев. В Есфири выявлены были также черты специально еврейской экзегезы. О толковании стиха 4. 3 уже было упомянуто. Лант и Таубе [ЛТ 1998: 189] связывают со старинной еврейской экзегезой представление о внутреннем саде в ст. 1.5 и 7.7-8 (**оградъ оутрънии и днѣшьнии**). **В 9. 17 въ днь 13 мѣсяца адара [говѣху] [рекомаго марта]** заключенные в скобки слова также представляют собою интерполяции, и вторая оттеснена первой со своего места. Так называемый «пост Есфири» 13 адара упоминается в еврейских источниках лишь с VIII в.; естественно, что только иудей мог внести упоминание о нем в перевод²² Лант и Таубе не решаются признать слово **говѣху** чертой архетипа, поскольку в Тихонравовском хронографе оно отсутствует. Этот факт, однако, объясним редактурой, ведь слово есть в Хлебниковском списке летописи. Люсен [с. 37-40] вынесла на рассмотрение еще один момент, позволяющий как будто бы приблизиться к решению вопроса об оригинале: она обнаружила, что разбиение славянской Есфири на параграфы совпадает с разбиением на литургические отделы (параши) еврейского текста. Действительно, из десяти параграфов еврейского текста в Q. I. 2 на положенном месте находятся четыре, но они могли быть воспроизведены и через посредство промежуточного греческого текста. Из наличия этого деления Люсен делает вывод, что между оригиналом и древнейшим списком Q. I. 2 очень мало промежуточных копий. Едва ли такой вывод можно делать ввиду наличия парашиот в списках Пятикнижия; вообще членение текста на параграфы обычно сохраняется и воспроизводится с заметной последовательностью, потому что при отсутствии деления на главы, введенного в славянскую традицию Геннадиевской библией 1499 г., библейским текстам не доставало такого деления, и всякое деление на более мелкие единицы, чем книга, старательно сохранялось.

Возвращаясь к приведенным выше конъектурам, мы бы хотели привести ряд других темных и неясных чтений, которые плохо поддаются убедительной интерпретации и, тем самым,

²² Наблюдение сделано А. Куликом [1995: 77]. Сам автор делает из него парадоксальный вывод о том, что “очевидность иудаистического характера славянского перевода представляет еще один довод в пользу гипотезы о существовании его несохранившегося греческого источника”. Он цитирует то место из Талмуда (датируемое V в.), в котором высказано требование, чтобы перевод праздничного свитка Есфири был понятен присутствующим, но толкует его так, что лишь греческий перевод свитка допустимо читать в этот праздник. Если Кулик прав в понимании требования Талмуда, почему оно не соблюдалось, и появились другие переводы, а среди них данный славянский перевод и перевод, вошедший в Виленский кодекс? Известно, что Септуагинта подвергалась известной сакрализации у евреев со времени своего появления, но после возникновения христианства мысли о сакрализации какого бы то ни было таргума навсегда оставили еврейскую среду. Было бы странно ожидать, чтобы в V в., когда в распоряжении евреев были лишь арамейский и греческий переводы, Талмуд предусмотрел дальнейшее развитие событий вплоть до переводов на европейские языки и предписал чтение свитка на них.

позволяют ясно увидеть, что проблема текста вовсе не решается через несколько случайных конъектур.

Так, в 1.17 еврейский текст говорит о том, что непокорность царицы Вашти может дать пример женам, «так что они пренебрегут мужьями своими в очах своих» ($hnyq [B] \quad hyl \text{ } \bar{a} [B] \quad twbhl \text{ } \bar{a}$). Это переведено довольно невразумительно: **тако не үвредити моүжь своих и не вѣ послоүхъ пред ними**, и гораздо яснее в Вил.: **мѣти на за что моүжовѣ своих вѣ очю своих**. Отрицание перед глаголом кажется лишним по смыслу евр. глагола hzB : «презирать». Смысл нашей версии может быть объяснен чтением славянской Псалтыри 117. 22: **камень иже не врѣдоү сътвориша зиждаштен**. Лант и Таубе полагают, что отрицание внесено неаккуратным переписчиком, хотя допускают и возможность объяснения через глагол **неврѣдити** [р. 87-88]. Что касается второй части пассажа, то ее считают глоссой к первой [ЛТ 1998: 88; Люсен 2001: 66] и думают, что **послоүхъ** значит здесь ‘послушание’; Лант и Таубе даже исключают ее из своей реконструкции, хотя она известна всем рукописям. Можно, однако, думать, что переводчик связал выражение оригинала «в их глазах» с идеей свидетельства, свидетельствования.

В 2.7 второе имя Есфири — Гадасса — заменено выражением **домочадица сира**, которое не может быть переводом имени, так как последнее образовано от евр. sdh «мирт». С Септуагинтой совпадение заключается в том, что и там имя опущено, однако заменено выражением $\theta\upsilon\gamma\acute{\alpha}\tau\eta\rho \text{ } \text{A}\mu\iota\nu\alpha\delta\alpha\beta$ «дочь Аминодава».

В 7.4 «ибо враг не достоин ущерба царя» ($I \text{ } M \text{ } h' \text{ } qzn[B] \text{ } hmkv \text{ } rXh' \text{ } ya \text{ } yk$) передано в слав. переводе **нево не тѣсноты вѣ домоү царевѣ**, в Вил. **заньж тот непригатель не стонть за шкодѹ црвѹ**. В соответствии с евр. ya в рукописях находится отрицание **не**; очевидно, что вместо rXh' «враг» переводчик читал $rX' \text{ } h'$ «тесный» с артиклем; для следующего затем слова $hmkv$ которое представляет собою причастие от глагола $hmkv$: «походить, напоминать», соответствия нет, хотя это мог бы быть потерянный при переписке глагол **стонть**, тогда как слово qzn «ущерб» с инструментальным предлогом b переведено **вѣ домоү**. Для последнего находится, однако, параллель в Септуагинте, где употреблено слово $\alpha\upsilon\lambda\acute{\eta}$ «двор».

Такого рода мест со значительными семантическими трудностями в нашем тексте можно найти не менее двух десятков. Но другого рода расхождения с оригиналом (еврейским или греческим) столь многочисленны, что встречаются почти в каждом стихе. Приведем некоторые из них с самым кратким комментарием.

1.7 **пыахү вѣ съсоүдѣхъ златыхъ**. В еврейском тексте каузативный глагол «поили», предложное управление воспроизводит еврейский синтаксис.

1.7 **съсоүдѣ съсоүдоү не оүподобенъ но все разноличь**. Двойной перевод одного эпитета в оригинале, выраженного причастием $\mu\upsilon\lambda\lambda\iota\upsilon\sigma\alpha\varsigma$ «различающиеся».

1.8 **питва аки вольна**. В евр. «питье [на пиру] согласно закону (tDk)». Свободный перевод с неточной передачей предлога союзом.

1.8 **БЪШЕ ТАКЪ ОУСТАВЪ ЦСРЕВЪ НА ВСЪХЪ.** В евр. «так установил царь всем». Изменение структуры предложения.

4.1 **ОБЛЕЧЕ СА ВЪ ВЛАСНИЦУ И СОУКНО.** В евр. буквально «и возложил на себя вретиче и пепел» (в знак скорби). Упоминание вретича и пепла встречается также в 4. 3, но и тут второй элемент его не переведен, тогда как первому соответствуют две лексемы.

5.5 **ОУБРЪЗИТЕ ПО АМАНА И СТВОРИТЕ РЪЧЬ ЕСФИРИНЪ.** В евр. буквально «Поторопите Амана, чтобы сделать дело Есфири». Грамматическая перестройка сложноподчиненного предложения в простое.

5.14 **СЪДЪЛАЮЩЕ БОУДЪТЕ ДРЕВО.** В евр. «пусть сделают столб». Свободная передача юссива императивом. В Вил.: **вчинили бы древо.**

7.4 **АЩЕ БЫ ВЫХОМЪ КЪ РАБОМЪ ПРЕПРОДАНИ.** В евр. предлог ל , который буквально передан в переводе как **къ** вместо ожидаемого **въ**.

8.1 **МАРДЪХАН ПРИДЕ ПРЕД ЦСРЪ И ПОВЪДА ЕМУ ЧТО БЪШЕ ЕН.** В евр. тексте: «Мардохей вошел к царю, ибо объявила Есфирь, что он для нее (кем он ей приходится)». Неясно, на каком этапе существования текста выпало имя Есфири.

С исключительной последовательностью пассив (медио-пассив) заменяется активным оборотом. Ср. 1.5 **СТВОРИ ЦСАРЬ ВСЪМЪ ЛЮДЪМЪ (ПИРЪ) ЕЛИКО ЖЕ ИХЪ ОБРЪБТЕ ВЪ СЪСАНЪ ГРАДЪ.** В евр. «для людей, находившихся в городе». Дополнение в скобках содержит лишь один поздний список, и оно не может принадлежать архетипу. Ср. 4.1 **МАРДЪХАН БЪ ВЪДАА ВСЕ ЕЖЕ ТВОРАШЕ ЦСРЪ,** в евр. «Мардохей знал все, что делалось», таким образом, в результате изменения залога переводчику пришлось ввести субъект (**цсрЪ**). Ср. 3. 14 **ГЛЪ ПЕЧАТЬ ГРАМОТНАА ДАТИ ЗАКОНЪ,** в евр. «список указа отдать как закон», здесь существенно меняются субъектно-объектные отношения. Наблюдения такого рода сделаны с большим вниманием в книге Люсен [2001: 119 и др.]. Поскольку пассив в греческом языке грамматически оформлен, а в славянском имеет слабое оформление, можно полагать, что перестройки в сфере залоговых отношений были делом славянского переводчика, а не предполагаемого греческого.

Перед лицом столь многочисленных и значимых расхождений между еврейским текстом и его предполагаемым точным греческим переводом, с одной стороны, и славянской версией – с другой, несколько конъектур, не получивших должной аргументации, никоим образом не могут рассматриваться как серьезная попытка обосновать гипотезу о греческом оригинале.

Из высказавшихся публично специалистов аргументам Ланта и Таубе вполне доверяет Р. Матхисен [Mathiesen 2001]²³, конъектуры 16-ю и 17-ю находит

²³ Он пишет: «Прежде я был согласен с Алексеевым в этом пункте, но недавняя монография Г. Г. Ланта и М. Таубе (1998) все же убедила меня, что существовала утерянная греческая версия еврейского оригинала и что церковнославянский текст переведен с этой утерянной греческой версии (Алексеев, следует заметить, ссылается лишь на предшествующую статью Ланта и Таубе и, возможно, еще не читал книги)» [Mathiesen 2001: 389].

убедительными Е. М. Мак Роберт [MacRobert 2000], аргументы 2-й, 13-й, 15-й и 16-й — Ф. Д. Томсон [Thomson 1998: 787-788]. Присоединяясь в Ланту и Таубе, Томсон [р. 783] вслед за Архиповым [1995], но без ссылки на него указывает также места, в которых славянская версия не совпадает ни с еврейским, ни с греческим текстами, отмечает некоторые глоссы славянского текста, поддерживает убедительность конъектуры в стихе 4. 3, от которой отказались сами авторы (см. выше). В согласии с Куликом [1995], но без ссылки на него Томсон [Thomson 1998: 787] повторяет плохо переваренную мысль о требовании Талмуда употреблять исключительно греческий таргум. От себя он добавляет крайне странное наблюдение, что лишний союз в одном месте также служит доказательством греческого оригинала [р. 786-787]. Речь идет о ст. 5.2 и **высть тако оузрѣ царь есфирь въ дворѣ [и] высть [есфирь] ѿвнесена милостию**. Лишние элементы текста заключены мною в скобки; в оригинале здесь сложное предложение с придаточным времени («когда царь увидел Эсфирь, то пожаловал ее»). При господстве примыкания в славянском синтаксисе («синтаксис нанизывания», по известному выражению Е.С. Истриной) нет решительно никакой необходимости возлагать ответственность за это явление на предполагаемый промежуточный греческий текст.

Остается выяснить, какие ответы на вопрос о времени и условиях происхождения текста может дать его язык. Соболевский и Мещерский отмечали признаки древности, присутствующие в тексте: употребление двойственного числа, супина, кратких прилагательных, некоторых других грамматических форм. Но эти формы присутствуют во многих текстах XI-XIV вв., с их помощью нельзя уверенно провести хронологическую границу внутри этого периода, что позволяет, например, такая орфографическая черта, как употребление редуцированных гласных. Если позиция Люсен в этом вопросе объясняется нежеланием рассмотреть его серьезно, то Лант и Таубе целенаправленно дискредитируют все архаические элементы текста, предлагая рассматривать их как свидетельство намеренной архаизации. Неоднократные упоминания сознательной архаизации, якобы осуществлявшейся славянскими авторами³¹, кажутся странными: ведь единственное известное нам явление такого рода — второе южнославянское влияние — имело совершенно конкретные формы такой архаизации, какой мы не находим в ранних списках Есфири. Приведем несколько суждений Ланта и Таубе по этому вопросу: «форма **вѣли** (9. 4) архаична даже для церковнославянских текстов, но присутствует во многих словосочетаниях вплоть до Синодального периода; в данном случае она не свидетельствует о раннем происхождении перевода» [LT 1998: 128]; «Соболевский думает, что

³¹ Об архаизации говорит и Люсен [с. 272]. Рядом с правильными написаниями редуцированных в Q. I. 2 есть случаи ошибок (**пред нью и жньстѣльмь**), которые едва ли у кого хватит смелости рассматривать как последствия сознательной архаизации.

дательный [при глаголе **оудолѣти**] свидетельствует о древности текста. Однако старое управление было безусловно известно и после 1400 г., во всяком случае оно могло употребляться в подражание Псалтыри» [р. 129]; **тъ** в значении **тътъ** (7.5) «может быть архаизмом или искусственным стилистическим приемом» [р. 120]. В другом месте, правда, Лант и Таубе отмечают, что переписчики не дорожат архаическими элементами: заменив, например, **тъ** на **то** или **тон** в 3. 4: «писец не был озабочен архаизацией; ... форма **тон** – типичное новшество переписчика» [р. 100]. Наконец, по поводу кратких прилагательных в 4. 1 (**великъмъ, горкомъ**) сделано такое замечание: «они могут указывать на древность перевода, как думал Соболевский. С другой стороны, они могут придавать благозвучие фразе. Исчезновение кратких форм нелегко датировать, нет серьезного исследования этого вопроса» [р. 106]. Такого рода суждения свидетельствуют лишь о том, что сколько-нибудь принципиальной попытки использовать язык для датировки текста не предпринято. Конечное заключение по этому вопросу опирается на датировку рукописей.

Следует, действительно, согласиться с тем, что точных датировок для грамматических явлений нет, и не исключено, что быть их не может. При копировании тексты крайне долго сохраняли свой первоначальный облик, чем обеспечивалось единство литературного языка на протяжении многих столетий, пока главным способом распространения литературы была переписка вручную. Поскольку нормативными образцами служили авторитетные тексты, созданные в отдаленный или даже начальный период письменности, их лингвистические особенности могли воспроизводиться сколь угодно долго. Впрочем, говорить о какой-либо сознательной установке на архаичность не приходится: во-первых, норме не приписывали динамических характеристик, во-вторых, все новое обладало привлекательностью и тогда, что видно, например, на скором распространении южнославянской орфографии в XV в. Безусловным фактом является именно существование нормы, поэтому частотность тех или иных форм, присутствие в тексте разнообразных архаизмов может все-таки что-то говорить исследователю о времени происхождения памятника; нужно только видеть эти явления в их совокупности, а не отвергать каждое в отдельности. В нашем распоряжении находится достаточное количество текстов, возникших в XIV в., для которых характерна лишь одна архаическая черта — двойственное число, да и то в применении к ограниченному числу лексем, обозначающих парные предметы. Итогом дискуссии по этому вопросу в книге Ланта и Таубе предлагается на выбор одна из гипотез: либо текст был переведен около 1050 г. у южных славян, либо в XIV в. на западной Руси [р. 187].

Согласно первоначальной позиции Альтбауэра и Таубе, славянская версия Есфири появилась на Балканах, скорее всего в Сербии, о чем должна была свидетельствовать форма **обрѣкоу** (7.3) вместо ожидаемой **обрѣцоу** [Altbauer, Taube 1984: 319]. В этой позиции была определенная логика, поскольку иудаистические переводы с еврейского на греческий характерны

как раз для Балкан [Bowman 1985: 166-168]. Со времени вступления в дискуссию Ланта [Lunt, Taube 1988] тезис о сербском происхождении текста был оставлен; выяснилось к тому же, что форма без палатализации известна и русскому северо-западу ([LT 1998: 145] со ссылкой на работы С. Л. Николаева и А. А. Зализняка). Вследствие этого, однако, без какой-либо исторической опоры остался тезис о греческом оригинале, чего не заметили Лант и Таубе и свидетельством чего оказалась их неспособность внятно высказаться о происхождении славянской версии.

Восточнославянское происхождение, как и лексико-стилистическое своеобразие славянской Есфири не может быть поставлено под сомнение. Из почти 600 слов, входящих в текст, 30 неизвестны другим памятникам письменности [LT 1998: 186]. Среди них названия драгоценностей и тканей (**блискъ, бобръ, лептоугъ, оутринъ, ошьвъ**), наименования лиц (**подъставъ, вольникъ**), глаголы и наречия (**подѣти, оудобрити сѧ, вѣнатъщъ**). Многие слова имеют своеобразную семантику, неизвестную или почти неизвестную за пределами текста: **съкривити** «солгать», **распрашеници** «сельские жители», **располонъ** и **полонъ** «грабеж, военная добыча», **погоньць** «гонец», **любо** «ибо». В употреблении некоторых слов явно сказывается восточнославянское происхождение текста Есфири: **приставъ, староста, тиоунъ, власть** «область, провинция»; многие слова отмечены как западнорусские: **просьба, охвотънъ, растворити** «уничтожить» и др. Этот своеобразный лексико-стилистический облик текста с уникальной семантикой и широким использованием конкретной социальной терминологии, которая не проникала в переводные тексты, в особенности библейские, может говорить о том, что оригинал и условия перевода были иными, чем у господствующего большинства славянских переводов.

Действительно, несколько раз в тексте встречается слово **пристрога**, которое обычно обозначает воинское снаряжение, но тут — косметические снадобья, употребляемые наложницами царя (2. 3, 9, 12). Понять евр. $q\text{llrt}$: «притирания», употребленное лишь однажды за пределами Есфири (Притч 20. 30), переводчику было не просто, как и найти эквивалент. Словом **печать** постоянно обозначается экземпляр или копия письма (3. 14, 4. 8, 8. 8, 10, 13), что делает перевод совершенно невразумительным. В еврейском тексте употреблено слово $q\text{v}tP'$, которое, будучи заимствованием из персидского, неизвестно другим книгам Библии. Следовательно, оно затрудняло переводчика. На греческий в составе Септуагинты оно переведено как $\acute{\alpha}\nu\tau\acute{\iota}\gamma\rho\alpha\phi\omicron\nu$, и будь перед глазами славянского переводчика это слово, он не употребил бы **печать**, но только **противънь** или **съписъкъ**. Переводчик на греческий не встретил бы таких затруднений в поисках нужного эквивалента, потому что греческая письменность уже располагала переводом книги Есфири, с которым можно было справиться. При отсутствии словарей и грамматик роль справочника играли предшествующие переводы; даже возможность соотнести свой текст с другими, переведенными с греческого, послужила бы в нашем случае на пользу дела. Не в таком

положении находился славянский переводчик, работавший с еврейским оригиналом: все вопросы ему приходилось решать самостоятельно. Еврейский текст Есфири крайне богат *нарах'ами*, этим и порождена аналогичная черта славянской версии.

Языковая норма проявляется также в предпочтении тех или иных лексем. Например, как и в Виленском кодексе, основным славянским эквивалентом в Есфири для евр. μ' «народ» являются **люди** и **людие** [Altbauer 1992: 42]²⁵, которые употреблены около 30 раз. В переводах с греческого эти слова обычно соответствуют греч. $\lambda\acute{o}\varsigma$ и крайне редко передают $\pi\theta\nu\omicron\varsigma$. В славянской Есфири лишь один раз появляется обычное соответствие для $\pi\theta\nu\omicron\varsigma$ — **языкъ** (1. 16) и ни разу другое обычное соответствие — **страна**, хотя по смыслу повествования в предполагаемом промежуточном греческом тексте можно было бы ожидать неоднократного употребления слова $\pi\theta\nu\omicron\varsigma$. В связи с этим вновь привлекает к себе внимание необычное употребление последнего слова в 1. 3 (см. выше 15-ую конъектуру). Значение его в таком контексте далеко от ясности, но если оно передает понятие о народе, то должно соответствовать греч. $\pi\theta\nu\omicron\varsigma$, но не евр. μ' . Как выясняется, слово $\pi\theta\nu\omicron\varsigma$ действительно употреблено в этом стихе Иосифом (Флавием) при пересказе книги Есфирь в его сочинении «Древности иудейские», где сказано, что Артаксеркс пригласил к себе на пир «друзей и персидские племена и их вождей» ($\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \tau\epsilon\ \phi\iota\lambda\omicron\upsilon\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \tau\grave{\alpha}\ \text{Περσ}\iota\nu\ \pi\theta\nu\eta\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \pi\gamma\epsilon\mu\iota\nu\alpha\varsigma\ \alpha\pi\tau\iota\nu$ — Antiq. iud., lib. XI, cap. 6, 1). В Есфири представлены три разряда участников пира: персидско-мидийское войско, избранные и правители областей, в свободном пересказе Иосифа сохраняются три разряда гостей, но точное соответствие библейскому оригиналу отсутствует. Евр. $\mu' \tau' \rho'$, на месте которого в славянском переводе и стоит **страна**, переведено в 6.9 **соудни**, но оно не могло не представлять трудностей для переводчика, поскольку известно Библии лишь по этим двум стихам и Дан 1.3. Переводчик поэтому мог воспользоваться подсказкой Иосифа. Хотя и не было вполне ясно, к какому разряду гостей эта подсказка относится, естественно было отнести ее к тому элементу текста, который порождал трудности. Трактровка Иосифа отразилась, вероятно, и в Септуагинте, чтение которой здесь ближе к нему, чем еврейскому тексту Есфири: $\tau\omicron\iota\varsigma\ \phi\iota\lambda\omicron\iota\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \lambda\omicron\iota\omicron\tau\omicron\iota\varsigma\ \pi\theta\nu\epsilon\iota\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \text{Περσ}\iota\nu\ \kappa\alpha\iota\ \text{Μ}\iota\delta\omega\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\chi\omicron\upsilon\sigma\iota\nu\ \tau\iota\nu\ \sigma\alpha\tau\rho\alpha\lambda\iota\nu$, то есть «друзьям, представителям народов, персам и мидийцам, вождям сатрапий». Можно было бы думать, что Септуагинта была источником слова **страна** в 1. 3 славянской версии, но в 2. 7 есть еще один знак использования Иосифа, а именно слово **сира** при характеристике Есфири ($\tau\iota\nu\ \gamma\omicron\nu\iota\omega\nu\ \acute{\alpha}\mu\phi\omicron\tau\omicron\rho\omega\nu\ \pi\omicron\rho\phi\alpha\nu\iota$ — Antiq. iud., lib. XI, cap. 6, 2), которое неизвестно Септуагинте, а Лант и Таубе [LT 1998: p. 91] считают

²⁵ Трудно, однако, понять, почему автор настаивает на том, что только ед. число **людь** является нормальным для перевода евр. μ' . В Вил. употребляются и ед., и мн. числа, и собирательная форма.

самостоятельным добавлением славянского переводчика²⁶ Я не думаю, что оба слова попали в славянскую версию в качестве глосс. Она связана с сочинением Иосифа каким-то более тесным образом, ведь ее заглавие в древнейшей рукописи (Q. I. 2) читается **книги неснѣли**.

До сих пор в науке не появлялось сведений о известности «Древностей иудейских» на Руси, но следы этого произведения изредка попадаются в русской письменности. Так, в цикле апокрифов о Соломоне в заключение рассказа о царице Савской приведено следующее сведение, заимствованное из этого источника: **и бѣ число злата принесенаго соломону црцею савскою кромѣ своего емѣ башеть 666 талантъ свѣне носимаго, еже на ризахъ баше, и еже отъ всѣхъ цррь странньихъ и воеводъ земельскыхъ** (ГИМ, Барсова 609, л. 242), ср. $\sigma\alpha\theta\mu\pi\zeta$ $\tau\omicron\pi$ $\kappa\omicron\mu\iota\sigma\theta\pi\nu\tau\omicron\varsigma$ $\alpha\pi\tau\omicron\pi$ $\tau\acute{\alpha}\lambda\alpha\nu\tau\alpha$ $\pi\acute{\xi}\alpha\kappa\pi\omicron\sigma\iota\alpha$ $\kappa\alpha\iota$ $\pi\acute{\xi}\pi\kappa\omicron\nu\tau\alpha$ $\pi\acute{\xi}$, $\mu\pi$ $\sigma\upsilon\kappa\alpha\tau\alpha\rho\iota\theta\mu\omicron\upsilon\mu\pi\nu\omicron\upsilon$ $\kappa\alpha\iota$ $\tau\omicron\pi$ $\pi\pi$ $\tau\pi\nu$ $\pi\mu\lambda\pi\omega\nu$ $\pi\nu\eta\theta\pi\nu\tau\omicron\varsigma$, $\mu\eta\delta'$ $\pi\nu$ $\omicron\pi$ $\tau\pi\zeta$ 'Αραβίας $\tau\omicron\lambda\acute{\alpha}\rho\chi\alpha\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\iota\varsigma$ $\pi\lambda\epsilon\mu\pi\omicron\nu$ $\alpha\pi\tau$ $\delta\omega\rho\epsilon\pi\nu$, то есть «вес же доставленного ему золота 666 талантов, не считая ни от торговцев купленного, ни того, что правители и цари Аравии посылали ему в дар» (Ant. iud., lib. VIII, cap. 7, 2). Замечательно то исключительное сходство со стихом 1. 3 Есфири, какое обнаруживается здесь в обозначении правителей и царей, хотя оно и не вызвано влиянием оригинала. В Речь философа в Повести временных лет включен эпизод, когда младенец Моисей, сидя на коленях у фараона, сорвал с него корону и растоптал ногами [Лихачев 1996: 43], что совпадает с рассказом Иосифа (Antiq. iud., lib. II, cap. 9, 7), тогда как в переведенном с еврейского оригинала «Житии Моисея» дело излагается так, что младенец возложил корону на себя [Рождественская 1999: 122]²⁷. «Древности» послужили также источником книги «Иосиппон», на следы которой в древнерусской письменности впервые обратил внимание Н. А. Мещерский [1957] г., и с тех пор это стало общепризнанным фактом. Пересказ Есфири в «Иосиппоне» опускает, однако, эпизод с пиром, а Мордехея относит к числу вельмож ($\mu\upsilon\mu\pi\pi$ Ph); см. [Flusser 1978: 48-49]. Связь славянской Есфири с этим кругом памятников говорит о том, что библейские переводы следует изучать как интегральную часть древнерусской литературы.

В пользу еврейского оригинала Есфири говорят вещи далеко не столь экстравагантные, как разобранный набор конъектур: это достаточно близкое следование славянской версии за еврейским текстом и по составу²⁸, и по

²⁶ Вариант Иосифа в 2. 7 приведен в аппарате греческого издания Есфири, которым якобы пользовались Лант и Таубе [LT 1998: 81]. См. [Hanhart 1983: 144].

²⁷ То же в книге Исход, дополненной апокрифическими вставками в Великих четых минеях; см. по изданию Археографической комиссии [1868], сентябрь, стл. 166.

²⁸ Томсон [Thomson 1998: 781-782] полагает, что славянская версия следует за еврейским текстом «близко, но не точно» («follows closely but not exactly the Masoretic text»), и в связи с этим находит, что Н.А. Мещерский неправ, утверждая, что еврейский и славянский тексты «completely coincide in size and content». На указанной Томсоном странице Мещерский [1995: 272] пишет: «еврейский так называемый масоретский текст этой книги [Есфирь], по объему и содержанию вполне совпадающий с древнерусским, в противоположность латинскому переводу Вульгаты и всем многочисленным версиям греческого перевода». Как видно, слова Мещерского поняты неверно: речь идет не о полном совпадении, а о достаточно полном. Реферируя работу Мещерского, Томсон мог бы обратить внимание и на другие места статьи, которые помогли бы ему правильно понять данное место. Ср. «Зависимость между еврейским и древнерусским текстом определяется прежде всего объемом и содержанием... В пределах указанного объема каких-либо существенных расхождений в отношении передачи текста между масоретским и древнерусским не замечается. Отдельные же незначительные отклонения только подтверждают эту зависимость» [Мещерский 1995: 284]. Можно было бы не придавать значения этим мелким оплошностям, но в обширной работе о славянских библейских переводах Томсон цитирует своих оппонентов каждый раз так, чтобы выразить с ними несогласие, и потому зачастую представляет их позицию искаженно. На это уже обращено внимание в научной литературе, см. [Reinhart 2001: 303]. Труд Томсона для англоязычного читателя является иногда единственным пособием по предмету, поэтому жаль, что автору недостает объективности, обязательной для жанра историографии науки. Ни у одного славянского перевода, сохранившегося в рукописях, нет оригинала, с которым бы наша версия совпадала целиком и полностью, и Мещерский точно характеризует эту ситуацию.

фразеологии, значительно большая удаленность языка от церковнославянской нормы, чем это можно видеть в текстах, переведенных с греческого оригинала. Теперь, после публикации исследования Люсен, можно убедиться в этой близости сравнительно легко. Нет сомнения в том, что подавляющее большинство славянских переводов сделано с греческого оригинала, но среди переводов, выполненных на Руси, этого преобладания греческих оригиналов не наблюдается, что видно по каталогу А.И. Соболевского [1903]. После работ Н.А. Мещерского стало ясно, что перевод Есфири с еврейского оригинала не стоит изолированно в древнерусской письменности. Рядом с ним находятся переводы книги «Иосиппон», апокрифов о Моисее и Соломоне, перевод Песни песней [Алексеев 1981] и книги молитв Махзор [Сперанский 1907]. Все они предшествуют по времени новой волне переводов, которая породила Виленский кодекс библейских книг и философские трактаты Логика, Тайная тайных. Как уже упоминалось, большинство восточнославянских списков Пятикнижия делится на субботние отделы для синагогального чтения, число которых вместо 54 ограничивается 52, т. е. приспособлено к количеству недель солнечного года²⁹, а также имеет несколько сот глосс, заимствованных из еврейского текста Торы. Сведения об этих фактах поступили в науку в 1855 г., когда в описании рукописей Синодальной библиотеки [Горский, Невоструев 1855: 8] были указаны границы субботних отделов по Геннадиевской библии 1499 г., и в 1860 г., когда А. В. Горский [1860] описал глоссы восточнославянских рукописей Пятикнижия, однако они долго не получали правильного осмысления. Старая наука предпочитала думать, что евреи пользовались каким-то своим языком, а библейские переводы делались славянами из любознательности. В действительности все переводы средневековья, в том числе и прежде всего библейские, имели конкретное практическое назначение. Отражение синагогальной практики в списках Пятикнижия говорит о том, что они употреблялись в синагогальной практике. Как ни бедны сведения о еврейском населении Руси, они имеются, и только присутствием евреев можно объяснить названные особенности списков Пятикнижия. Свиток Эстер читался в праздник Пурим, для этого и понадобилось его перевести, ибо никакого другого перевода этой книги к тому времени не существовало.

²⁹ В Исходе не выделена последняя параша «пкудей» (38. 21), во Второзаконии объединены 9-я «ваелех» (31.1) и 10-я «гаазину» (32. 1) параши. Нет возможности связывать это количество недель с кумранским календарем, который также опирался на солнечный год.

Таким образом, полное исследование славянской версии книги Есфирь является пока делом будущего. Его составными частями должны стать (1) текстологический анализ всех без исключения списков и построение истории текста с тем, чтобы анализируемый текст представлял собою не результат реконструкции и конъектуры, а исторически постигаемую величину; (2) лингвистический анализ лексики не только по основным словарям, но и словарным картотекам, который должен быть при этом привязан к текстологии и описать движение лексики по спискам и редакциям. Образец такого исследования мы имеем сегодня в работе А. М. Молдована [2000] над житием Андрея Юродивого. В связи с вопросом о лексической норме необходимо также убедительно локализовать место происхождения текста. Та западнорусская стихия, которую видят в славянской Есфири исследователи со времени А. В. Горского, должна получить более полную характеристику на фоне письменных традиций древней Руси. Пока не ясно, связана она с галицко-волыньским регионом, где еврейское население засвидетельствовано историческими источниками надежно уже в XIII в. [Weinryb 1962], или с северо-западом; (3) необходимо, наконец, гораздо точнее установить связи славянской версии Есфири с окружающей ее литературой. Включение текста в сборники Восьмикнижия, с одной стороны, и в хронографические компиляции, с другой, стало по всей вероятности началом новой судьбы этой книги. Но и само создание тех и других также еще не изучено в достаточной мере и может получить новое освещение через историю славянской Есфири.

Рукописные источники

Библиотека Лит. АН 52/224 – Vilnius. Lietuvos mokslu akademijos centrine biblioteka, 52/224.

Вил. – Vilnius. Lietuvos mokslu akademijos centrine biblioteka. F19-262.

Геннадиевская библия 1499 – ГИМ, Синодальное собр., 915.

ГИМ, Барсова 609 – ГИМ, собр. Барсова, 609.

Кирилло-Белоз. 4/9 – РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 4/9.

Кирилло-Белоз. 5/10 – РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 5/10.

МДА 12 – РГБ, фонд 173 (Московской духовной академии), 12.

МДА 90 – РГБ, фонд 173 (Московской духовной академии), 90.

Рум. 3127 – РГБ, фонд 256 (Румянцева), 3127.

Солов. 75 – РНБ, Соловецкое собр., 75.

Тихонравовский хронограф = РГБ, фонд 299 (Тихонравова), 704.

Троицк. 2 – РГБ, фонд 304 (Троице-Серг. лавры), 2.

Хлебниковская летопись – РНБ, F. IV. 230.

BOZ 105 – Warszawa. Biblioteka Narodowa, Biblioteka ordynacji Zamojskiej, 105.

Q.1.2 – РНБ, Q.I.2.

Литература

Алексеев 1981 — А.А. Алексеев. Песнь песней по русскому списку XVI в. в переводе с древнееврейского оригинала // Палестинский сборник. Т. 27. 1981. С. 63-79.

Алексеев 1987 — А.А. Алексеев. Переводы с древнееврейских оригиналов в древней Руси // Russian Linguistics. Vol. XI. 1987. С. 1-20.

Алексеев 1993 — А.А. Алексеев. Русско-еврейские литературные связи до XV века // Jews and Slavs. Vol. I. Jerusalem; St. Petersburg, 1993. С. 44-75.

Алексеев 1998 — А.А. Алексеев. [Рец. на:] М. Altbauer. The Five Biblical Scrolls in a Sixteenth-Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262). Jerusalem, 1992 // Славяноведение. 1998. № 2. С. 132-135.

Алексеев 1999 — А.А. Алексеев. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Архипов 1995 — А. Архипов. По ту сторону Самбатина. Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X-XVI веках. Oakland (California), 1995.

Велчева, Костов 2002 — Б. Велчева, К. Костов. Книга Естир и нейният славянски превод // Старобългаристика. 2002. № 1. С. 73-92.

Востоков 1842 — А.Х. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.

Гаркави 1865 — А.Я. Гаркави. Об языке евреев, живших в древнее время на Руси и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей (из «Исследований об истории евреев в России»). СПб., 1865.

Горский 1860 — А.В. Горский. О славянском переводе Пятикнижия Моисеева, исправленном по еврейскому тексту в XV в. // Прибавления к творениям святых отцов. 1860. Ч. 19. С. 134-168.

Горский, Невоструев 1855 — [А. В. Горский, К. И. Невоструев.] Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Т. 1. М., 1855.

Дурново 1969 — Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969.

Евсеев 1898 — И.Е. Евсеев. О книге Есфирь // Известия Академии наук. 1898. Т. 8. № 5. С. 329-344.

Златанова 2001 — Р. Златанова. [Рец. на:] H.G. Lunt, M. Taube. The Slavonic Book of Esther. Text, Lexicon, Linguistic Analysis, Problems of Translation. Harvard Ukrainian Research Institute, 1998. 311 p. // Старобългарска литература. Т. 32. 2001. С. 132-135.

- Истрин 1893 — В.М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893.
- Кулик 1995 — А.О. Кулик. О несохранившемся греческом переводе книги Есфирь // Славяноведение. 1995. № 2. С. 76-79.
- Лихачев 1996 — Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод и комментарии Д. С. Лихачева. СПб., 1996.
- Люсен 2001 — И. Люсен. Книга Есфирь. К истории первого славянского перевода. Uppsala, 2001.
- Мещерский 1956 — Н.А. Мещерский. К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода // Ученые записки Карело-Финского пед. института. Т. 2. Вып. 1. Петрозаводск, 1956 (перепечатано в [Мещерский 1995]. С. 271-299).
- Мещерский 1957 — Н.А. Мещерский. К вопросу об источниках «Повести временных лет» // ТОДРЛ. 1957. Т. XIII. С. 57-65.
- Мещерский 1978 — Н.А. Мещерский. Издание текста древнерусского перевода Книги Есфирь // *Dissertationes slavicae*. XIII. Szeged, 1978. С. 131-164.
- Мещерский 1995 — Н.А. Мещерский. Избранные статьи. СПб., 1995.
- Молдован 2000 — А.М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Рождественская 1999 — Житие пророка Моисея // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3: XI-XII века. СПб., 1999. Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской [по рукописи нач. XV в., собр. Барсова 609, ГИМ]. С. 120-149, 376-378.
- Рождественский 1885 — И. Рождественский. Книга Есфирь в текстах еврейском-масоретском, греческом, древнелатинском и славянском. СПб., 1885.
- Словарь XI-XVII вв. — Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
- Слоўнік 1984 — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 4. Мінск, 1984.
- Соболевский 1892/93 — А.И. Соболевский. Древнерусская переводная литература. Лекции 1892/93 уч. года. Санктпетербургский ун-т [Литография].
- Соболевский 1903 — А.И. Соболевский. Переводная литература московской Руси XIV-XVII веков. СПб., 1903.
- Соболевский 1907 — А.И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Соболевский 1910 — А.И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода // А.И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 162-177 [перепечатано также в книге: Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 134-147. Первый вариант работы, оглашенный в качестве доклада в 1893 г., опубликован в 1897].
- Сперанский 1907 — М.Н. Сперанский. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора Еврея. М., 1907.
- Срезневский. Материалы — Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Т. 1-3. СПб., 1893-1903.
- Творогов 1975 — О.В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
- Altbauer 1968 — M. Altbauer. Some Methodological Problems in Research of the East-Slavic Bible Translations (Vilnius Codex 262). Jerusalem: Israeli Slavists' Committee, 1968.
- Altbauer 1992 — M. Altbauer. The Five Biblical Scrolls in a Sixteenth-Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262). Jerusalem, 1992.
- Altbauer, Taube 1984 — M. Altbauer, M. Taube. The Slavonic Book of Esther: When, Where, and from What Language was It Translated? // Harvard Ukrainian Studies. Vol. VIII, 3/4. 1984. P. 304-320.

- Baron 1958 — S.W. Baron. A Social and Religious History of the Jews. Vol. 6. New York, 1958.
- Bowman 1985 — S.B. Bowman. The Jews of Byzantium (1204-1453). The University of Alabama Press, 1985.
- De Troyer 2000 — K. De Troyer. Once More, the So-Called Esther Fragments of Cave 4 // *Revue de Qumran*. Vol. 19. 2000. P. 401-422.
- Flusser 1978 — D. Flusser. The Josippon [Josephus Gorionides]. Jerusalem, 1978 (на иврите).
- Gumpertz 1953 — Y.F. Gumpertz. *Mivta'e séfatenu* (Studies in Historical Phonetics of the Hebrew Language). Jerusalem, 1953 (на иврите).
- Hanhart 1983 — Esther. Ed. R. Hanhart. Goettingen, 1983.
- Kronsteiner 1993 — O. Kronsteiner. Handschriften-Fetischismus oder kritische Ausgaben? Lebte die Slawistik noch in Mittelalter? // *Die slawischen Sprachen*. Bd. 34. 1993. S. 47-65.
- Kutscher 1982 — E.Y. Kutscher. A History of the Hebrew Language. Jerusalem; Leiden, 1982.
- Lunt 1988 — H.G. Lunt. On Interpreting the Russian Primary Chronicle: The Year 1073 // *Slavic and East European Journal*. 1988. Vol. 32. P. 251-264.
- Lunt, Taube 1988 — H.G. Lunt, M. Taube. Early East Slavic Translation from Hebrew? // *Russian Linguistics*. Vol. XII. 1988. P. 147-187.
- Lunt, Taube 1994 — H.G. Lunt, M. Taube. The Slavonic Book of Esther: Translation from Hebrew or Evidence for a Lost Greek Text? // *Harvard Theological Review*. 1994. P. 347-362.
- LT 1998 — H.G. Lunt, M. Taube. The Slavonic Book of Esther. Text, Lexicon, Linguistic Analysis, Problems of Translation. Harvard Ukrainian Research Institute, 1998.
- MacRobert 2000 — C. M. MacRobert. [Рец. на:] H.G. Lunt, M. Taube. The Slavonic Book of Esther. Text, Lexicon, Linguistic Analysis, Problems of Translation. Harvard Ukrainian Research Institute, 1998 // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 78/4. 2000. P. 747-748.
- Mathiesen 2001 — R. Mathiesen. [Рец. на:] А.А. Алексеев. Текстология славянской Библии. СПб., 1999 // *Die Welt der Slaven*. Bd. XLVI. 2001. P. 387-400.
- Reinhart 2001 — J. Reinhart. [Рец. на:] J. Krašovec (Hrsg.). Interpretation of the Bible, 1998 // *Wiener slavistisches Jahrbuch*. Bd. 47. 2001. S. 301-303.
- Taube 1985 — M. Taube. On Two Related Slavic Translations of the Song of Songs // *Slavica Hierosolymitana*. Vol. VII. 1985. P. 203-209.
- Taube 1993 — M. Taube. The Slavic «Life of Moses» and Its Hebrew Sources // *Jews and Slavs*. Vol. I. Jerusalem; St. Petersburg, 1993. P. 84-119.
- Thomson 1994 — F.J. Thomson. The Earliest Vernacular Slav Translation of Old Testament Books from Hebrew Together with A Few Comments of Allegedly Judaizer Translations // *Slavica Gandensia*. Vol. 21. 1994. P. 145-155.
- Thomson 1998 — F.J. Thomson. The Slavonic Translation of the Old Testament // *Interpretation of the Bible*. Ljubljana; Sheffield, 1998. P. 605-920.
- Weinryb 1962 — B.D. Weinryb. The Beginning of East-European Jewry in Legend and Historiography // *Studies and Essays in Honour of A. A. Neuman*. Leiden, 1962. P. 445-502.